

ЗАЧЕМ НАМ СВОЯ ИСТОРИЯ? (Размышление о смысле абхазской истории)

Среди специалистов хорошо известно, какую роль играла каста жрецов в жизни древнеегипетского общества. Она состояла не из служителей культа, как это может показаться на первый взгляд, а – из *мудрецов*. Причем мудрецами считались тогда лишь те, которые хорошо знали *исторические предания*, могли на их основе *анализировать* и *оценивать текущие* социальные реалии и *предсказывать* возможные сценарии их развития. Все эти проблемы решались, как видно, на базе исторического знания.

Впрочем, древнеегипетское общество не исключение. Такие прослойки, аккумулировавшие в себе интеллектуальный потенциал общества, существовали и во многих других странах, в том числе и в Абхазии. Не об этом ли говорит, в частности, *феномен старца* – сказителя старинных преданий, феномен, который наблюдался еще недавно в традиционном абхазском обществе? Этот факт сохранился в языке, но не только: он был отражен так же и в романе Д. Гулиа «Камачич», на что обратил внимание литературовед Вл. Цвинариа.

Значение, которое придавалось историческому знанию во времена, считавшиеся еще недавно доисторическими, не было надуманным. Роль исторического знания была обусловлена определенной социальной практикой, обеспечивавшей производство и воспроизводство жизни общества, как в синхронном, так и в диахронном ракурсе. На основе этой практики каждое действовавшее поколение удовлетворяло свои базовые потребности унаследованным от предыдущих поколений опытом. Этот опыт им не *развивался*, а как бы сообразно природным циклам *повторялся*. Потому социальное будущее формировалось здесь *«по образу и подобию»* прошлого. Последнее воспринималось людьми, как нечто идеальное (совершенное), как эталон, по которому и мыслилось будущее. Тем самым социальный идеал, к которому они стремились, оказывался не в будущем, как сегодня, а в *прошлом*. Задача, которая возникала в связи с этим перед ними, состояла в *повторении* прошлого и транслировании его в будущее в том виде, в каком оно было. В обществе повторялись основные механизмы жизнеобеспечения: система социальных отношений, структуры, ее составлявшие, ценностная ориентация, способности и потребности людей и др. Разумеется, какие-то изменения при этом все же происходили, но они были столь незначительны, что, как правило, оставались незамеченными сознанием общества. Таковы были социальные основания, которые, повторяю, обуславливали морально-правовой статус носителей исторических преданий, повествовавших об опыте предыдущих поколений. Этот опыт практиковался, начиная от общинного строя вплоть до начала промышленной революции в Европе. В Абхазии же этот опыт наблюдался вплоть до ее советизации.

Промышленная революция, начавшаяся на Западе в новое время, произвела *переворот* не только в технологии жизнеобеспечения. Следствием

ее стали радикальные преобразования всей системы структурной организации европейского сообщества. В этом контексте многие народы, страны и цивилизации уже перешли, а другие – продолжают переходить к качественно новой социальной практике – к *практике развития*. Переход к новой практике, будучи глобальным явлением, миновать нас не может. Потому следует здесь дать хотя бы краткое описание ее.

Одно из условий социального развития – это критическое отношение не только к текущим реалиям, но и к опыту предыдущих поколений. При развитии прошлое уже не является эталоном, прообразом будущего. Теперь человек не относится к прошлому благоговейно, сакрально, как его предки. Будущее не формируется им старым (традиционным) способом, посредством повторения прошлого. В новых условиях социальное будущее ему приходится формировать соответственно им (условиям), своим изменившимся потребностям и представлениям. У человека нет, как видно, готового, априорно данного ему, прообраза социального будущего. Исходный прообраз будущего ему приходится *изобретать* (конструировать). Только создав мысленный образ будущего, он может приступить к реализации его на практике. Тем самым социальный идеал, к которому стремится человек, оказывается уже не в прошлом, как в традиционном обществе, а в будущем, что меняет его ценностная ориентация во времени. Для проведения всех этих мысленных операций (анализ данных, моделирование будущего, осознание цели и др.) человеку приходится наращивать свои *интеллектуальные силы*, особенно, *креативные способности*.

При этом прошлое отнюдь не игнорируется, поскольку изобретать образ будущего, не опираясь на прошлое, человек не может. Но при этом социальный статус прошлого меняется. Теперь оно превращается в предмет критического анализа и рассматривается уже с точки зрения практической полезности (бесполезности). Без повторения развитие немислимо и невозможно. Повторение – это тот механизм, который обеспечивает преемственную связь поколений и единство общества во времени. Это значит, в процессе развития повторение сохраняется, но сохраняется, повторяю, как бы в снятом (подчиненном) виде. Развитие, будучи более сложной формой существования общества, включает в себя так же *изменение, обновление, улучшение, совершенствование, становление* и др., которые не играли заметной роли в жизни традиционного общества.

Происходящие при развитии процессы более *разнообразны, динамичны, противоречивы и неоднозначны*. При этом перед человеком и обществом, в целом, возникает сравнительно больше перспектив и возможностей. Он получает возможность не только освободиться от социальной стихии и оков традиционных стандартов. Впервые перед ним открываются такие перспективы, как *повышение уровня жизни и улучшение ее качества, осознанное и целенаправленное совершенствование жизнеустройства общества и эффективное управление им*.

Однако и развитие таит в себе немало превратностей. Освобождение человека от традиционных оков и усиление его роли в жизни общества не всегда используется им разумно, что может иметь губительные последствия. Об этом свидетельствует, в частности, стремительно продолжающийся ныне *глобальный* кризис, угрожающий самому существованию человечества. Безудержное стремление человека к *потреблению* и *наслаждению* уже нарушило равновесие в природе. Его видовой образ жизни стал ныне несовместимым с нормами биогеоценоза.

Чтобы выйти из этого кризиса, Запад в лице «Вашингтонского консенсуса» добивается реализации глобального проекта, направленного на преодоление *культурно-исторического разнообразия* человечества и формирование на базе так называемых «общечеловеческих ценностей» единой на планете новой *наднациональной цивилизации*. Глобализм, как нетрудно заметить, выражает интересы мирового капитала. По его логике человечество развивалось неправильно и необходимо его преобразовать. Не об этом ли говорят полыхающие ныне в различных регионах земли гибридные войны, в которых культурно-исторические наследия целых народов и цивилизаций превращаются в руины?

В этой связи уместно вспомнить пророческое предостережение великого французского историка прошлого столетия Марка Блока: «...не исключено, что когда-нибудь наша цивилизация отвернется от истории». Предположение историка ныне стало очевидной реальностью. О грозящей катастрофе пестрит и западная пресса, в том числе и академическая. Известный американский политолог текущего столетия Патрик Бьюкенен отмечает, что «война с национальной историей и культурой» и замена их «культурой Голливуда» стали одним из факторов вырождения западной цивилизации.

Западному глобализму противостоит, как известно, восточная модель развития («Пекинский консенсус»), которая стремится к *сохранению культурно-исторического разнообразия* человечества. Только в рамках этой модели мы можем сохранить себя, сохранить свою *культурно-историческую идентичность*. Однако ныне мы оказались на стыке противостояния двух глобальных проектов и нам приходится считаться, как с одним, так и с другим. В этих, отнюдь непростых, условиях нам важно не ошибиться во внешнеполитической, особенно, ценностной, ориентации и придерживаться нашего стратегического партнера, который испытывает схожие с нашими трудности.

Глобализм, как идеология, не обошел нас стороной. Под его влиянием стал разрушаться и наш национальный мир. На вершине ценностной пирамиды нашего общества мы теперь видим не *честь* и *достоинство*, как в былые времена, а *потребление* и *наслаждение*. Эти ценности уже стали главной побудительной силой и конечной целью действий человека и в нашем обществе. В этом контексте началось резкое снижение значимости нашей национальной культуры, в том числе и истории, снижение, которое еще продолжается.

Между тем история Абхазии на протяжении прошлого столетия представляла собою тот водораздел, вокруг которого фокусировались все основные события абхазо-грузинского противостояния. Быть или не быть Абхазии решалось тогда именно через историческую науку, что придавало ей особую значимость в жизни не только нашего общества. Ценой больших усилий абхазской элите, прежде всего историкам, удалось отвоевать нашу национальную историю. Впрочем, в этом немалая заслуга грузинских историков, которые, фальсифицируя абхазскую историю в угоду политической конъюнктуры, вопреки своей воле способствовали возникновению и становлению исторической науки в Абхазии.

Тем не менее, история Абхазии все еще остается недостаточно защищенной. За последнее время все заметнее становятся изменения, которые происходят уже в нашем отношении к родной культуре, в том числе и к истории. Еще недавно, когда наши возможности в познании своей истории были ограничены, мы знали и защищали ее лучше, чем сегодня. Когда же такие возможности были завоеваны, значимость нашей национальной истории стала резко снижаться в нашем отношении к ней. Похоже, что она (история) нам нужна была не для себя, не для укрепления своей национальной идентичности и суверенности, а лишь для того, чтобы защищать себя от грузинской экспансии. Впрочем, было бы опрометчиво думать, что так называемый «абхазский вопрос» уже снят с повестки дня Грузии. Решить этот вопрос Грузия пытается не только силой, но и посредством исторических спекуляций. В этой связи защита нашей национальной истории по-прежнему остается задачей первостепенной важности.

Но нашу историю теперь приходится защищать не только, быть может, и не столько от грузинских историков, сколько от себя. Сегодня мы можем позволить себе надругаться над своей национальной святыней, что не позволяли себе даже грузины!? Не об этом ли говорит, в частности, когда отдельные представители нашей политической элиты публично предлагают «сжечь» или «утопить» учебник по истории Абхазии? Речь здесь идет не об отдельных людях, которых, видимо, не особенно волнует судьба Отечества. Речь здесь должна идти о реакции общества, особенно, элитной части его, которая тоже безмолвствует!

Благо, это безмолвие недавно было прервано Президентом РФ В.В. Путиным, которому пришлось защищать нашу историю в связи с событиями в Грузии. Причем он защищал ее, судя по всему, именно по учебнику, по которому судебный процесс еще продолжается. При всей важности научно выверенных разъяснений российского президента, защищенной нашу историю можно считать лишь тогда, когда она составляет неотъемлемую часть духовной жизни нации, шифруется в социокод общества и транслируется в будущее. Этим я призываю не к *ретроградству*, а к *бережному* и *критическому* отношению к нашей национальной истории. Тот же М.Блок, которого мы выше цитировали, отмечает, что ценность истории «...измеряется тем, насколько она может быть практически использована».

Чем меньше мы используем свою историю, тем больше лишаем себя будущего. Она может выполнять свою миссию лишь тогда, когда активно используется ее потенциал в формировании будущих поколений. Важно знать, что общество может развиваться лишь тогда, когда сохраняет и содержит в себе, как бы в «снятом виде», все то ценное, что было накоплено в прошлом, и несет его через настоящее в будущее. История, как и природа, мстит будущим поколениям за непочтительное наше отношение к ней.